и многія другія). Нѣтъ основанія особенно жалѣть именно первыхъ уже потому, что, какова бы ни была степень важности занятія, спеціализація приравниваетъ любой видъ труда многимъ другимъ и дѣлаетъ ихъ источникомъ однороднаго вліянія на работающихъ.

Нѣтъ основанія предсказывать, что исчезнутъ тѣ виды труда, которые обнимаютъ разныя побочныя дѣйствія въ области искусства: плотниковъ, маляровъ, механиковъ при театральныхъ представленіяхъ. Еще можно было бы дѣлать такое предсказаніе, если бы нашихъ потомковъ ожидало полное исчезновеніе роскоши и воцареніе простоты во всѣхъ областяхъ жизни. Нельзя ожидать этого тѣмъ болѣе, что дальнѣйшій ростъ производительности труда сдѣлаетъ многіе предметы роскоши общедоступными. И если будутъ люди, готовые производить шелковыя ткани, кружева для бѣлья, разныя мелочи для украшенія одежды, зданій, утвари, то найдутся охотники участвовать въ театральныхъ хорахъ, кордебалетѣ, быть статистами и т. п.

Скажемъ, вопреки Толстому, что въ современномъ искусствѣ многое нравится не только высшимъ классамъ, но и широкому кругу, поскольку онъ усвоилъ хотя бы начатки общаго образованія. Сюда можно отнести многое изъ сочиненій Гёте, Шиллера, Диккенса, Гоголя, Островскаго, Тургенева и другихъ. Если бы господствующее искусство привлекало только тѣхъ простыхъ людей, которые испытали вредное вліяніе со стороны высшихъ классовъ, то пріобрѣтало бы поклонниковъ почти исключительно въ городскомъ населеніи; въ деревнѣ же, гдѣ зловредное вліяніе богатыхъ гораздо слабѣе, оно не имѣло бы успѣха. Но мы знаемъ, что населеніе деревень охотно пользуется читальнями и предъявляетъ спросъ на ту художественную литературу, которой не сочувствуетъ Толстой. И театральныя представленія, взятыя изъ той же литературы, увлекаютъ населеніе деревни. Чувства чести, патріотизма, влюбленности, которыя находятъ себѣ выраженіе въ этой литературѣ, понятны и простымъ людямъ, хотя выступаютъ у нихъ съ инымъ оттѣнкомъ, нежели у членовъ высшихъ классовъ. Простой человѣкъ, какъ и членъ высшаго круга, хочетъ пользоваться доброю славой и не относится равнодушно къ тому, что его считаютъ воромъ, обманщикомъ, пьяницей, лѣнтяемъ, даже трусомъ. Въ этихъ предѣлахъ ему доступна и обидчивость. И патріотизмъ въ своихъ простѣйшихъ элементахъ вполнѣ понятенъ ему: его больше радуетъ изобра-